

— Хватить!

— Э! собаки-те ёшь! Ну, наливай... Видно и впрямь ты шильник!

Около них раздавался сдержанный смѣхъ. Сосѣди захлебывались отъ удовольствія, и въ изумленіи покачивали головами. «Эка, брѣхи!» — произносили иные въ радостномъ восторгѣ. А Мокѣй и Власъ корчили серьезные лица и были чрезвычайно довольны другъ другомъ. Мокѣй, засучивъ рукавъ, хмурился и до краевъ наполнялъ стаканъ. Власъ же, съ видомъ жестокой основательности, опрокидывалъ его въ ротъ, и снова принимался за баранину.

— Пейте, дѣвки! Нонѣ барышня родилась, — балагурилъ Мокѣй въ другомъ мѣстѣ: — вамъ радость, а мнѣ горе.

— Какое тебѣ горе?

— Какое! Вамъ въ поле да жать, а мнѣ утресь опохмѣляться идти. Кабатчикъ и то должно за мной считаетъ: тринадцать шкаликовъ съ Петрова дня не выпито. Да мнѣ что! тринадцать шкаликовъ — тринадцать пѣсень. Мы нонѣ купцы: инья которыя бабы глотку дерутъ, а мы въ мѣшокъ да въ Питеръ. Товаръ сходный!

«О, чтобъ тебя!..» — восклицали дѣвки и, тихо пересмѣиваясь, церемонно жевали калачи. Но многія угадали намекъ Мокѣя. — «И, чуденъ этотъ баринъ, родимыя мои!» — произнесла одна молодая бабенка, когда Мокѣй прошелъ далѣе. — Какой? — «Да вотъ что пѣсни-то у шильника покупаетъ». — Это Петровичъ? — «Петровичъ. Намеднись я такъ-то вышла стадо встрѣчать, а онъ присталъ: ты чево, говорить, въ рукахъ держишь? — А я хлѣбъ держу. — «Хлѣбъ, молъ». — На что хлѣбъ? — «Буренку привѣчать». — А рѣчами, говорить, привѣчаешь? — «Привѣчаю, молъ». — И присталъ: Расскажи да Расскажи ему»... — Бабы въ удивленіи разинули рты. — О-о-о! — удивленно воскликнули онѣ, и спрашивали въ торопливомъ любопытствѣ: — что-жъ, рассказала? — «Да чего я ему, оглашенному... Я говорю, ты, молъ, уйди отъ грѣха: а то онъ-те Васька-то выйде!»... — Вдругъ, пожилая и степенная баба перебила рассказчицу. «Это ты, лебедка, напрасно, — сказала она, — онъ тебѣ не токмо — крохотную какую, бываетъ которая крохотная, — и ту не обидитъ». — Рассказчица нѣсколько сконфузилась. — «А онъ что присталъ какъ оглашенный»... невинно возразила она; но пожилая баба не слушала ее; возвысивъ голосъ, она продолжала: — У меня мужикъ-то захворалъ, — захворалъ онъ, милыя мои, а моченьки-то моей и нѣту съ нимъ возжаться. Такъ онъ что, Петровичъ-то! возьметъ, придетъ къ ему въ клѣтъ, къ